

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ У ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НОМАДОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Керамика, одна из редких категорий погребального инвентаря поздних кочевников, в последнее время стала привлекать внимание исследователей (Шалобудов В.Н., 1993, с. 91-104). Наряду с лепными сосудами, изготовление которых связывается с самими номадами (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101; Плетнева С.А., 1963, с. 29; 1959, с. 230-239), в позднекочевнических курганах встречается кружальная керамика различного производства.

Сосуды древнерусского облика нами были проанализированы в специальной статье (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 78-96). Данная работа посвящена некоторым видам гончарной керамики не древнерусского происхождения: амфорам, горшкам, кувшинам. Часть из исследуемых сосудов была уже ранее опубликована, остальные публикуются впервые**.

Одним из видов керамической тары, широко распространенным в эпоху средневековья, являлись амфоры. Нам известно 10 экземпляров амфор (Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я., 1986, с. 14-36, рис. 4; Гуркин С.В., 1990, с. 97-106, рис. 2, 2; Швецов М.Л., 1979, с. 205, рис. 6, 4; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 114-143, рис. 6, 2; Шалобудов В.Н., 1993, рис. 4, 7; Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967, с. 20-32, рис. 3, 2; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1983; Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В., Ляшко С.Н. и др., 1975; Лесков А.М., 1962) (8 - практически целых или реконструируемых и 2 - крупные фрагменты верхней части, дающие представление о типе), происходящих из позднекочевнических погребений или насыпей (тризна, святилища) курганов (рис. 1). 9 из них относятся к господствующему на большинстве причерноморских памятников типу амфор с дуговидными ручками (Рудаков В.Е., 1975, с. 26; Романчук А.И., 1982, с. 94; Яковсон А.Л., 1979, с. 111; Волков И.В., 1989, с. 87; 1990, с. 79; Абызова Е.Н., 1985, с. 55). По классификации И.В.Волкова они относятся к первой группе, первому отделу (Волков И.В., 1989, с. 87-89). Для этого типа амфор характерны грушевидно-сфериче-

ское (Чаплинка, Большая Белозерка, Каирка, Морская Кошара, Чингул) или яйцевидное (Ливенцовский-VII, к. 2) тулово***, округлое дно (рис. 2). У двух экземпляров дно узкое (Каирка и Морская Кошара), у остальных (Чингул, Чаплинка, Большая Белозерка, Ливенцовский-VII, к. 2) достаточно широкое. Причем, у амфоры из святилища Ливенцовский-VII, к. 2 в центре дна - едва намеченный небольшой выступ (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 123, рис. 6, 2) (рис. 2, 6). Широчайшая часть тулова приходится у сосудов из Чингула (рис. 2, 7), Большой Белозерки (рис. 2, 1) и Ливенцовского-VII, к. 2 на 3/5 его высоты, из Чаплинки (рис. 2, 4) и Морской Кошары (рис. 2, 2) на 3/4 его высоты, а из Каирки на 2/3 высоты тулова (рис. 2, 5). Горло у большинства экземпляров низкое - 2 - 3,4 см. Но у трех амфор (Ливенцовский-VII, к. 2; Чаплинка и Каирка) оно значительно выше (3,9 - 4,5 см). Диаметр горла колеблется в пределах 7,5 - 9,7 см. Но две амфоры выделяются по этому параметру: Морская Кошара - 5,8 см, Большая Белозерка - 13,3 см. Диаметр венчиков у сосудов небольшой - 4,1 - 7,2 см. Овальные в сечении ручки, образуя плавную дугу, возвышаются над венчиком. Их верхние концы крепятся к венчику, нижние - к плечу. Плечи у всех амфор покрыты мелким рифлением. У некоторых экземпляров прослеживается рифление и в нижней части тулова. По мнению И.В.Волкова, для амфор этой группы характерно наличие белого ангоба на верхней части тулова (Волков И.В., 1989, с. 89). Из рассматриваемой серии 3 экземпляра (Чингул - 2 экз. и Каирка) имеют покрытие белым ангобом.

Тесто амфор, по классификации И.В.Волкова, относится к третьему типу (цвет красный или оранжевый). Исследуя импортную амфорную тару золотоордынского города Азака, И. В. Волков пришел к выводу, что в XIII-XIV вв. у амфор с дуговидными ручками существовало, по крайней мере, четыре устойчивых стандарта объема (Волков И.В., 1989, с. 89). Амфоры из Большой Белозерки, Ливенцовского-VII, к. 2 и Чингула относятся ко второму стандарту (наи-

* Настоящая статья является переизданием ранее вышедшей крайне малочисленным тиражом работы в Донецком археологическом сборнике, вып. 7, с. 47-76.

** Искренне благодарим профессора Г.А.Федорова-Давыдова за рекомендации по написанию статьи, В.В.Дорофеева, Г.Л.Евдокимова, А.Н.Дьяченко, В.Г.Житникова, Л.М.Казакову, А.И.Кубышева, В.В.Отрощенко, З.Х.Попандопуло, О.Я.Привалову, М.Л.Швецова за разрешение использовать неопубликованные материалы.

*** У амфор из Новоселовки и Кугейской Пади-II, к. 4 сохранились лишь фрагменты верхней части, что не дает возможности точного описания формы тулова, а также основных параметров сосудов.

больший диаметр тулова - 40-44 см). Причем Чингульские амфоры имеют самый устойчивый размер этого стандарта - 42 см. Сосуды из Морской Кошары, Каирки и Чаплинки, имея наибольший диаметр тулова в пределах 27,6 - 33,5 см, наиболее близки к третьему стандарту (диаметр 28-32 см). Самая крупная амфора из Ливенцовского-VII, к. 2. Ее высота без ручек 56 см. Четыре амфоры среднего размера 50,3 - 46,3 см (Чингул - 2 экз., Чаплинка, Большая Белозерка). Сосуды из Морской Кошары и Каирки небольшие, их высота без ручек соответственно 33 и 36,6 см. У амфор из Большой Белозерки и Чаплинки в верхней части тулова процарапано граффити (рис. 2, 1, 4). (Основные параметры амфор см. рис. 3).

Подобный тип амфор начал появляться в Северном Причерноморье в конце XI в. (Гуркин С.В., 1990, с. 99). В XII-XIII вв. амфоры с грушевидным туловом и дуговидными ручками уже регулярно поступали в Северное Причерноморье и далее на север. Для XIII-XIV вв. они являются обычной находкой в поселенческом материале Причерноморского региона (Гуркин С.В., 1990, с. 99; Волков И.В., 1990, с. 79-81; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 127). По мнению И. В. Волкова, специально занимавшегося происхождением и эволюцией некоторых типов средневековых амфор, эта группа амфор имеет трапезундское происхождение (Волков И.В., 1989, с. 85-100; 1990, с. 79-81; 1992, с. 147-150). Судя по эволюционному ряду, который он

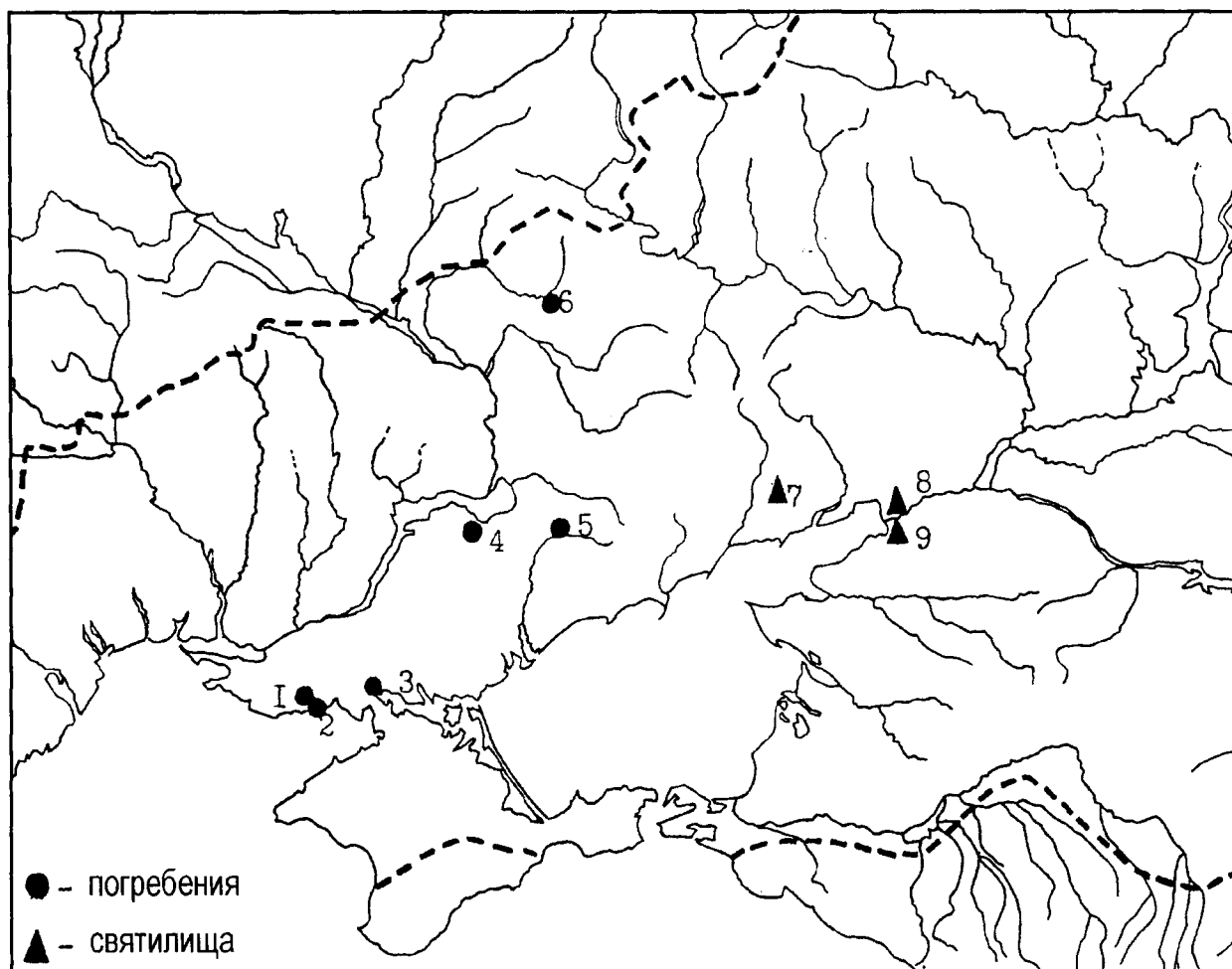

Рис. 1. Амфоры: 1 – Шевченко, 2 – Морская Кошара, 3 – Каирка, 4 – Большая Белозерка, 5 – Чингул, 6 – Чаплинка, 7 – Новоселовка, 8 – Ливенцовский, 9 – Кугейская Падь.
Fig. 1. Amphorae: 1 – Shevchenko, 2 – Morskaya Koshara, 3 – Kairka, 4 – Bolshaya Belozerka, 5 – Chingul, 6 – Chaplinka, 7 – Novoselovka, 8 – Liventsovskij, 9 – Kugejskaja Pad.
Abb. 1. Amphoren: 1 – Schewtschenko, 2 – Morskaja Koschara, 3 – Kairka, 4 – Bolschaja Belosjorka, 5 – Tschingul, 6 – Tschaplinka, 7 – Nowossjolowka, 8 – Liwenzowskij, 9 – Kugejskaja Pad.
Dessin 1. Amphores: 1 – Chevtschenko, 2 – Morskaïa Kochara, 3 – Kairka, 4 – Bolchaïa Beloserka, 5 – Tchingoul, 6 – Tchaplinka, 7 – Novoselovka, 8 – Liventsovski, 9 – Kougueïskaïa Pad

предложил для данного вида амфор (Волков И.В., 1992, с. 144-145, рис. 1), большинство сосудов из рассматриваемой серии (Каирка, Большая Белозерка, Морская Кошара, Чингул) относятся к первой половине XIII в. Амфора из Чаплинки более поздняя - конец XIII-XIV вв.* Наиболее ранняя амфора из половецкого святилища Ливенцовский-VII, к. 2. И.В.Волков датировал ее по определенным признакам второй половиной XII - началом XIII вв. (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 127).

Все погребения с данным типом амфор имеют достаточно узкие хронологические рамки. Золотоордынским временем датируют погребение Каирка, 3/1 крупные наконечники стрел нескольких типов, стремя типа Е-I (по Г. А. Федорову-Давыдову), серьга в виде вопросительного знака. К XIV в., а, возможно, к его второй половине относится деревянный жезл, лежавший у правой ноги (Евглевский А.В., 1998, с. 141-156). Второй половиной XIV в. датируется погребальная конструкция (подбой с высокоподнятым вертикальным сводом, закрытым каменными плитами). И, наконец, наиболее четкую дату дают золотоордынские дирхемы. Они отчеканены в Крыму в 40-х годах XIV в. и с учетом стертости от хождения в обращении датируются не ранее 50-х годов XIV в.

Почти весь инвентарь из погребения Морская Кошара 4/3 имеет широкий хронологический диапазон бытования. Уточнить дату может лишь прямоугольное кресало - вторая половина XIII - XIV вв. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46).

В уникальном ханском захоронении из Чингула имеется огромное количество богатейшего и разнообразнейшего инвентаря. Авторы публикации В.В.Отрощенко и Ю.Я.Рассамакин на основании наиболее узко датированных вещей - поясных наборов, имеющих точные аналогии в половецких погребениях Чойош, Кигйошпущта, Фельшоменткирари (Венгрия), относят весь комплекс ко второй трети XIII в. (Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я., 1986, с. 31).

Комплекс из Чаплинки-I, 2/3 полностью ограблен, инвентарь испорчен. Однако в могиле обнаружен крупный фрагмент чугунного котла с вертикальным ушком, что позволило автору публикации датировать погребение XIV в. (Шалобудов В.Н., 1993, с. 99; Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992, с. 110), с чем нельзя не согласиться.

В погребении из Большой Белозерки 1/2 присутствуют односоставные удила, которые встречаются в захоронениях поздних кочевников, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, во второй половине XI - XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 20). Амфора из этого погребения, если верен эволюционно-хронологический ряд И. В. Волкова, изготовлена в первой половине XIII в. Таким образом, захоронение, по-видимому, было произведено в начале XIII в. Только в этот узкий временной промежуток могли в него попасть в виде

исключения архаичные для этого времени односоставные удила.

В святилищах из Новоселовки и Кугейской Пади-II, кроме фрагментов амфор (рис. 2, 8, 9), никаких других датирующих находок не было обнаружено. Поэтому эти комплексы приходится датировать очень широкими хронологическими рамками - конец XI - первая половина XIV вв. (Гуркин С.В., 1990, с. 99). В святилище из Ливенцовского-VII, к. 2 обнаружено сразу 4 относительно хорошо сохранившихся изваяния. Святилище сооружалось поэтапно и, если весь комплекс в целом авторы публикации датировали серединой XI - началом XIII вв., то время попадания амфоры в святилище следует определять на основании двух каменных изваяний (тип III и V по С. А. Плетневой), при установке которых она, по-видимому, специально была разбита. Подобные изваяния С. А. Плетнева относит ко второй половине XII - началу XIII вв. (Плетнева С.А., 1974, с. 61-65, 69-79, рис. 33).

Амфора из комплекса Шевченко 2/2 необычная (рис. 2, 3). Судя по форме ее тулова, она должна относиться к амфорам с "веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками" (Якобсон А.Л., 1979, с. 72), по классификации И. В. Волкова - вторая группа, первый отдел, первый тип (Волков И.В., 1989, с. 96). Однако ручки у нее не подняты над венчиком. Они широко расставлены, изогнуты в верхней части под «прямым» углом, верхним концом прикреплены к горлу-венчику, нижним к плечу. Плечики сравнительно крутые, плавно скругляющиеся в нижнюю коническую часть тулова. Максимальный диаметр тулова относится к его высоте приблизительно как 1:2. Высота максимального диаметра тулова приходится на 2/3 высоты его корпуса. Горло невысокое (3 см), узкое (5 см), сливается с воротничковым обрезным венчиком, диаметр которого равен диаметру горла. Амфора красноглиняная, поверхность тщательно заглажена, без рифления, дно закопчено, в трех местах прослежены граффити (Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967, с. 22-25). Она небольшая, ее высота 30 см, наибольший диаметр тулова - 13 см. Такие небольшие амфоры использовались, в основном, в качестве мелкой тары для жидкостей (вода, масло, вино) (Якобсон А.Л., 1950, с. 106). Полной аналогии этой амфоры нам не известно. Близкая форма у сосуда из храма Иоанна Предтечи в Керчи (Никитченко М.М., 1970, с. 276-278; Якобсон А.Л., 1979, с. 75, рис. 43, 1а), который датируется IX-X вв., у амфоры из Киева (Петров Н.И., 1915, с. 11, табл. XI, 6) (конец X-XI вв. - датировка А. Л. Якобсона (Якобсон А.Л., 1950, с. 106, ссылка 1), а также среди амфор X-XI вв. из Западного Причерноморья: Диногетии, Преславы (Якобсон А.Л., 1979, с. 75). Мы склонны датировать эту амфору не позднее XI в., так как для амфор с веретенообразным туловом в XII в. характерны уже высоко поднятые

* Автор публикации датировал эту амфору более узко (Шалобудов В.Н., 1993, с. 99).

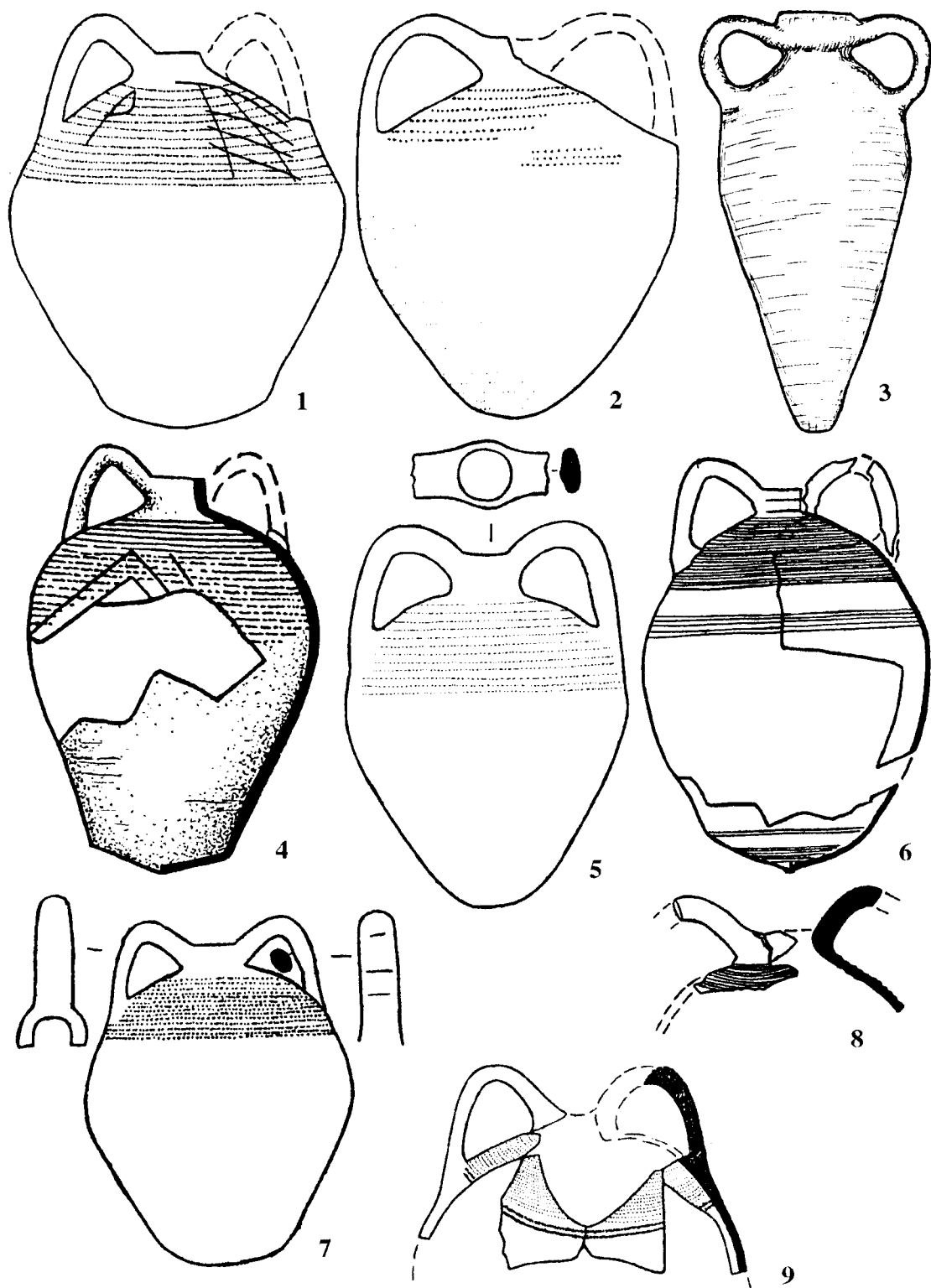

Рис. 2. Амфоры.
 Fig. 2. Amphorae.
 Abb. 2. Amphor.
 Dessin 2. Amphores

(над уровнем венчика) ручки (Якобсон А.Л., 1951, с. 339, рис. 10, 35-36, ссылка 2).

Уточнить датировку погребения из Шевченко 2/2 могут стремена (тип Г-1*). Подобные стремена появились у кочевников восточноевропейских степей лишь с XII в. Элементы погребального обряда (решетчатый настил из досок под умершим, ступенчатая конструкция могилы и юго-западная ориентировка погребенного) в совокупности дают тенденцию для датировки комплекса не ранее XII в. (Евглевский А.В., 1992, с. 107).

Следующая группа гончарной керамики, представленная в позднекочевнических погребениях, большинством исследователей именуется одноручными горшками (Якобсон А.Л., 1979, с. 117; Абызова Е.Н., 1985, с. 41; Рудаков В.Е., 1975, с. 26; Романчук А.И., 1975, с. 15; Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988, с. 127; Михальченко С.Е., 1973, с. 122). Однако некоторые авторы подобные сосуды называют иначе: горшкообразные кувшинчики (Плетнева С.А., 1963, с. 29, тип Б), полукувшины-полугоршки (Плетнева С.А., 1959, с. 251) и просто кувшинчики (Каминский В.Н., 1987, с. 191, рис. 7, 56). Хотя С.А.Плетнева и предложила термин «полукувшины-полугоршки», однако подчеркнула, что сосуды подобной формы объединяет с кувшинами лишь состав теста и форма ручек.

Из позднекочевнических погребений Восточной Европы нам известны 4 одноручных горшка со сферическим или шаровидным туловом (рис. 4; 5, 1-4) (Ольховский В.С., Отрощенко В.В., 1991, с. 111-125, рис. 1, 3; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1980; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Нечитайло А.Л. и др., 1984; Список памятников..., 1988, с. 42, рис.

21, 2). Наибольший диаметр тулова у трех сосудов располагается ниже середины высоты горшков. У горшка из Волчанска наибольший диаметр корпуса приходится на середину сосуда. Шейка выражена слабо, плавно переходит в слегка отогнутый, закругленный венчик (рис. 5, 2). У горшка из Сивашского венчик прямой. Овальная в сечении ручка прикреплена одним концом к венчику, другим - в наиболее широкой части тулова (рис. 5, 1). Ручка у горшка из Никифорово слегка поднимается над уровнем устья, дно у него отсутствует (рис. 5, 4). Диаметр венчика у всех экземпляров немного больше диаметра дна, которое у всех сосудов равно диаметру шейки. (Основные параметры горшков см. рис. 8). Сосуд из Сусанино орнаментирован по плечикам однорядной волной (рис. 5, 3). Два горшка (Сусанино, Никифорово) - красноглиняные, 1 - сероглиняный (Сивашское). Тесто сосуда из Волчанска не описано автором отчета. Все горшки сильно закопчены. Подобные шаровидные одноручные горшки имеют очень широкий круг аналогий. Они известны в керамических материалах золотоордынских памятников Днестровско-Прутского междуречья (Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988, с. 127, рис. 3, 5; Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 57, рис. 17; Абызова Е.Н., 1985, с. 41-42, рис. 9-14) и Нижнего Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 122-123, рис. 3, 1). В Крыму они бытуют очень продолжительное время (IX-XIV вв.) (Якобсон А.Л., 1970, с. 42-43, рис. 10, 2-3; Рудаков В.Е., 1975, с. 26, рис. 2, 1, 4; Романчук А.И., 1975, с. 15, рис. 9, 1, 2; 1982, с. 95, рис. 2, 1).

Три комплекса с одноручными горшками (Волчанск-II, 2/4; Сусанино 1/2; Никифорово 1/1) относятся

№ п/п	Параметры		Высота общая	Высота без ручек	Наибольший диаметр тулова	Высота горла	Диаметр горла	Диаметр венчика
	Пункт							
1	Б.Белозерка 1/2		53,3	46,5	41,1	3	13,3	7,2
2	Морская Кошара 4/3		35	33	27,6	3,3	5,8	4,1
3	Каирка 3/1		39,9	36,6	29,5	4,5	7,5	4,5
4	ЧапLINK-I, 2/3		49,9	46,3	33,5	4,4	8	6,2
5	Ливенцовский-VII, к. 2		61	56	45	3,9	9,4	6
6	Шевченко 2/2		30	30	13	2,7	5	5
7	Чингул (2 экз.)		54	50,3	42	3,4	9,7	6,9

Рис. 3. Основные параметры амфор (в см).

Fig. 3. The basic parameters of amphora (in centimeters).

Abb. 3. Grundabmessungen der Amphor (cm).

Dessin 3. Paramètres principales des amphores (centimètres)

* Здесь и далее индексация типов вещей дана по: Федоров-Давыдов Г.А., 1966.

к золотоордынскому времени. Об этом свидетельствуют особенности погребального обряда: уступы вдоль длинных стен, решетчатое гробовище, ориентировка умершего на юго-запад, лицом на юг (Волчанск-II, 2/4); решетчатое гробовище, подбой, закрытый камнями известняка, восточная ориентация погребенного (Сусанино 1/2); забутка входной ямы камнями, решетчатый настил (Никифорово 1/1) (Евглевский А.В., 1992, с. 107; 1990, с. 131-134). Инвентарь погребений не противоречит указанной датировке. Все типы вещей из комплекса Сусанино 1/2 бытовали в раннезолотоордынское время. Стремена из погребения Никифорово 1/1 близки к типу Е-I, который датируется второй половиной XIII-XIV вв. Уточнить хронологические рамки данного комплекса позволяет серебряная распрямленная гривна, не встречающаяся позднее 1-й трети XIV в. (Евглевский А.В., 1998, с. 141-156).

Продатировать погребение Сивашское 4/4 достаточно сложно, так как могила, костяк и сопроводительный инвентарь очень сильно повреждены. Можно лишь констатировать, что захоронение совершено не ранее второй половины XI в., на что указывает способ членения коня (III тип по А. Г. Атавину*).

Среди рассматриваемой серии керамики наиболее многочисленны кувшины. Их 14 (Швецов М.Л., 1974, с. 93-97, рис. 3, 4; Синицын И.В., 1978, с. 96-97, табл. 110, 1; Шалобудов В.Н., 1993, с. 101, 97, рис. 4, 9; 2, 9; 1982, с. 60, 61, 67, рис. 1, 4; Плетнева С.А., 1973, с. 37, табл. 15, 6; Казакова Л.М., 1986; Житников В.Г., 1984; Синицын И.В., 1966; Дьяченко А.Н., 1984; Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П., 1986; Швецов М.Л., 1981; Плешивенко А.Г., Попандопуло З.Х., 1986; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1982; 1980) (рис. 4). Не все сохранились полностью, у некоторых экземпляров отбиты в древности ручки, венчики, горло и т. д. Все сосуды неполивные, кроме кувшина из Волчанска 13/1. Большинство (10 из 14) красноглиняные. Два кувшина из глины оранжевого цвета (Самойлово, Новоивановка), один из желтовато-белой глины (Волчанск). Описание кувшина из Гадомки, к. 221 отсутствует (Плетнева С.А., 1973, с. 37). Сосуды, как правило, изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. (Основные параметры кувшинов см. рис. 8).

Кувшин из Волчанска 13/1 покрыт поливой бирюзового цвета (рис. 5, 6), венчик с частью горла отбит в древности. Тулово биконическое, низкое, плавно сужаясь, переходит в кольцевой поддон. Горло узкое, высокое, цилиндрическое. Отношение его высоты (реконструируемой) к диаметру равно 2,5. Овальная в сечении ручка прикреплена одним концом в нижней части горла, другим - к ребру тулова. Основание горла украшено небольшим концентрическим валиком. Наиболее расширяющаяся часть корпуса приходится на его середину. Очень близкий по форме

сосуд, покрытый зеленой поливой, найден в золотоордынском слое Старого Орхья (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 56-57, вид 1, рис. 15). В позднезолотоордынском слое (середина XIV - начало XV вв.) Болгара Т.А.Хлебникова отмечает появление новых форм кувшинов с сильно заниженным туловом, расширяющимся чуть выше середины, с чрезвычайно высоким и узким горлом, почти равным высоте тулова (Хлебникова Т.А., 1988, с. 62, рис. 39, 1-2). В составе инвентаря комплекса Волчанск 13/1 есть амальгамированное зеркало с арабской надписью по черком "наси". Подобные зеркала известны в Новом Сарае и золотоордынском слое Болгара (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 83, отдел С).

Среди красноглиняных кувшинов, которые имеют средние размеры (высота 19-42 см) выделяется высокий кувшин (высота 55 см), служивший, как верно отметил автор публикации (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101), тарой. Кувшин из Котовки-III, 2/2 изготовлен из высококачественной глины, хорошего обжига (рис. 5,5). У него стройное, вытянуто-яйцевидное тулово, с выпуклыми плечиками, расположенными в верхней трети тулова. Относительно узкое, высокое цилиндрическое горло имеет слив. Овальная в сечении ручка, утраченная в древности, крепилась в верхней части горла и на плечике. Венчик оформлен двумя невыразительными валиками. Под ними, а также по плечикам и в верхней части тулова сосуд украшен орнаментом из прочерченных поясков. У верхнего прилепа ручки - пальцевое вдавление. Автор публикации полагает, что подобные кувшины изготавливались в золотоордынских городах Поволжья (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101). Однако ни в статье С.Е.Михальченко, систематизировавшей массовую неполивную керамику золотоордынских городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 124-126, рис. 3), ни в работе Т.А.Хлебниковой о неполивной керамике Болгара (Хлебникова Т.А., 1988, с. 7-102) нет даже близких форм среди кувшинов. Зато многочисленные аналоги этому сосуду есть в золотоордынском Азаке (Перевозчиков В.И., 1990, рис. 4, 8-9, 11-12, 14-15). Погребение Котовка-III, 2/2 хорошо датируется по зеркалу из оловянистой бронзы (тип Б-III) XIII-XIV вв. Но автор публикации, приведя достаточно убедительную аргументацию, сузил хронологические рамки до XIV в. (Шалобудов В.Н., 1982, с. 60, 61, 67).

В комплексе Родионовка 3/1 найден кувшин с носиком (рис. 6, 1). Такие сосуды у разных народов называют по-разному: кумганы, кунганы, куманы, афтоба, афтофа. У сосуда узкое высокое коническое горло, цилиндрический венчик, по которому прочерчены парные линии. Горло резко переходит в шаровидное тулово с узким плоским дном. В центральной части тулова украшено врезной линией. Плоская ручка прикреплена одним концом под венчиком, другим в

* Здесь и далее типология способа членения коня дана по: Атавин А.Г., 1984, с.134-140.

верхней части корпуса. Напротив нее, с противоположной стороны, у основания горла - отверстие для отбитого в древности носика. Кувшины с носиками имеют очень широкие аналогии. Они известны в средневековых памятниках Днестровско-Прутского междуречья (Абызова Е.Н., 1985, с. 40, 41, класс I, тип 2, рис. 1, 8; Рябой Т.Ф., 1988, с. 116, рис. 1, 5), в Херсонесе встречаются с XII в. Особенно массовыми их находки в Херсонесе становятся в XIII-XIV вв. (Якобсон А.Л., 1950, с. 100, рис. 69, 1; 71, 72; Романчук А.И., 1982, с. 97, рис. 3, 12; Ивашута Л.П., 1974, с. 15, 16, рис. 26). Обычны сосуды подобной формы в материалах гончарных комплексов золотоордынского Азака (Перевозчиков В.И., 1990, с. 127, рис. 4, 10), встречаются среди неполивной керамики городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, группа 5, рис. 3, 9; Хлебникова Т.А., 1988, I группа, тип 6, рис. 34, 8), в Закавказье (Якобсон А.Л., 1959, с. 135, рис. 104) и Средней Азии (Пещерова Е.М., 1959, с. 7). В погребении Родионовка 3/1 присутствует разнообразный набор инвентаря: железная булава, круглое стремя, близкое к типу 3-III, сильно искривленная сабля, медные сосудики, кафтан из шелковой ткани с серебряной тесьмой и др. Все эти предметы встречаются не ранее XIV в. Но наиболее узкую дату дают серебряные джучидские монеты (41 экз.), чеканенные в Крыму в 40-х годах XIV в. Учитывая некоторую стертость монет, а также надчеканки, сделанные на них несколько позже их выпуска, весь комплекс следует датировать не ранее 50-х годов XIV в.

Кувшин из Самойлово 2/2 с коротким широким горлом, венчик со сливом (рис. 6, 2). Корпус яйцевидный, стройный, наибольший диаметр его находится выше середины. Полуовальная в сечении ручка прикреплена верхним концом к горлу, нижним к плечу. Тулово в наиболее широкой своей части украшено небольшим выделенным валиком. Дно относительно узкое, плоское. Весь сосуд от венчика до дна покрыт вертикальным полосчатым лощением. В верхней части кувшина ширина полосы лощения 3 мм, в нижней - 4-5 мм, внешняя поверхность местами закопчена. Близкая форма тулова и соотношение пропорций (го есть диаметр венчика примерно равен диаметру дна) у сосудов из Старого Орхея (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, рис. 16; Абызова Е.Н., 1985, рис. 38; 1, 1). В раннезолотоордынском слое (середина XIII - начало XIV вв.) Болгара есть кувшин с близкой формой тулова и ручки (Хлебникова Т.А., 1988, тип 10, рис. 37, 2). Хотя широкогорлые кувшины с прикреплением ручки к средней части горла более характерны для Болгара домонгольского времени (Хлебникова Т.А., 1988, с. 55). Аналогичная верхняя часть сосуда (венчик, горло, плечики) найдена на Куричанском поселении (Рязанов С.В., 1990, с. 108-112, рис. 2, 6). Вертикальное полосчатое лощение, которое появилось в керамике Золотой Орды под влиянием традиций позднеаланского и болгарского керамического производства, обычно для

неполивной посуды городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 121; Хлебникова Т.А., 1988, с. 54), Азака (Перевозчиков В.И., 1990, с. 124-125). Погребение из Самойлово 2/2 по бронебойным наконечникам стрел с ромбическим сечением, прямоугольному кресалу (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46), а также по решетчатому гробовищу следует датировать золотоордынским временем.

Кувшин из п. 2, к. 38, 2-й курганной группы восточного берега Маньча (Синицын И.В., 1978, с. 96-97, табл. 110, 1) отличается очень высоким и относительно узким цилиндрическим горлом со слабо отогнутым венчиком и сливом (рис. 6, 3). Горло плавно переходит в низкое биконическое тулово, наиболее широкая часть которого расположена несколько выше середины корпуса. Массивная, овальная в сечении ручка прикреплена одним концом под венчиком, другим - к плечу. Поверхность кувшина тщательно заглажена. Тулово в наиболее широкой части орнаментировано прочерченной зигзагообразной полосой и короткими насечками. Прямые аналогии этому кувшину нам не известны. Близкие формы есть на Северном Кавказе (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, табл. 94, 202). Датировать погребение с этим сосудом можно XII - первой половиной XIII вв. по бронзовому котлу (Швецов М.Л., 1980, с. 200) и на основании способа членения коня (тип III по А. Г. Атавину).

У кувшина из Новоукраинки-I, 1/2 отбиты в древности верхняя часть горла с венчиком и ручка (рис. 6, 4). Горло, по-видимому, было относительно высоким и узким. Оно плавно переходит в покатые узкие плечики. Тулово стройное, вытянутых пропорций, с наибольшим расширением в верхней трети. Дно узкое, плоское. Ручка, овальная в сечении, крепилась к горлу и тулову. Близкая форма сосуда имеется в Тмутаракани (Плетнева С.А., 1963, рис. 35, 2), а также в Старом Орхея (Абызова Е.Н., 1985, с. 49, класс II, тип 4, рис. 4, 8). Инвентарь данного погребения очень беден, кроме кувшина, есть только бронзовый бубенчик с пояском посередине корпуса, от которого спускаются насечки. Донышко имеет крестовидную прорезь. Такие бубенчики датируются в рамках X - первой половины XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 70).

Кувшины из трех комплексов (Гадомка, к. 221; Кобяковский могильник 15/13; восточный берег Маньча, III курганная группа, 13/3) объединяет в группу наличие низкого шаровидного тулова (рис. 6, 5, 6; 7, 3). Кроме того, у них широкое плоское дно (у сосуда из Гадомки с невысоким кольцевым поддоном). Объединяет их и прилеп ручки - верхний конец прикреплен к горлу, нижний - к наиболее широкой части тулова. Корпус у этих кувшинов имеет наибольшее расширение чуть выше середины. Горло у сосудов из Гадомки и Калмыкии невысокое, относительно широкое, цилиндрическое, у кувшина из Кобяковского могильника относительно высокое и узкое и также

цилиндрическое. У кувшина из Гадомки венчик профилирован, резко отогнут наружу, с наплывом с внешней стороны. У двух других сосудов венчики отбиты в древности. У всех экземпляров ручки плоские, овальные в сечении. На ручке кувшина из Кобяковского могильника в верхней части - треугольный в сечении выступ-налеп. Украшены сосуды по-разному. У кувшина из Калмыкии в средней части горла - поясok из

нескольких прочерченных линий. В этом же месте расположен небольшой рельефный валик у сосуда из Гадомки. Кувшин из Кобяковского могильника залощен в вертикальном и горизонтальном направлениях. Он декорирован тремя орнаментальными поясами: в верхней части горла - две глубоко пролощенные горизонтальные линии, внутри которых заключены насечки, нанесенные гребенчатым штампом, пересека-

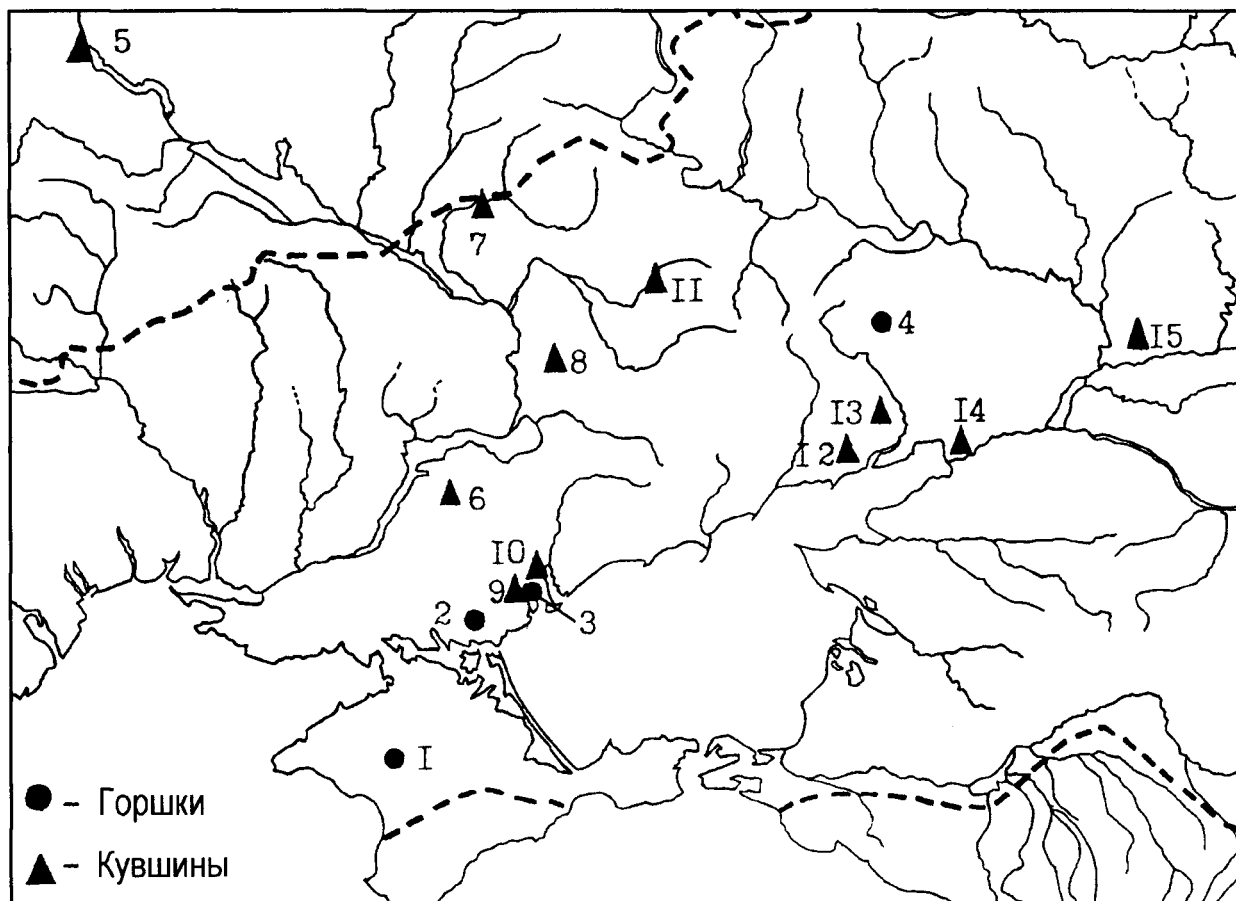

Рис. 4. 1-4 – горшки: 1 – Сусанино, 2 – Сивашское, 3 – Волчанск, 4 – Никифорово; 5-18 – кувшины: 5 – Гадомка, 6 – Демидовка, 7 – Котовка, 8 – Новоукраинка, 9 – Волчанск, 10 – Родионовка, 11 – Богдановка, 12 – Самойлово, 13 – Новоивановка, 14 – Кобяков, 15 – Кастырский, 16 – Кривуша, 17 – Калмыкия III к. г. 13/3, 18 – Калмыкия II к. г. 38/2.

Fig. 4. 1-4 Pots: 1 – Susanino, 2 – Sivashskoe, 3 – Volchansk, 4 – Nikiforovo; 5-18 – Jugs: 5 – Gadomka, 6 – Demidovka, 7 – Kotovka, 8 – Novoukrainka, 9 – Volchansk, 10 – Rodionovka, 11 – Bogdanovka, 12 – Samoilovo, 13 – Novoivanovka, 14 – Kobiakov, 15 – Kastyrsky, 16 – Krivusha, 17 – Kalmykiya the 3^d tumulus group, 13/3, 18 – Kalmykiya, the 2nd tumulus group, 38/2.

Abb. 4. 1-4 – Töpfe: 1 – Sussanino, 2 – Siwaschskoje, 3 – Woltschansk, 4 – Nikiforowo; 5-18 – Krüge: 5 – Gadomka, 6 – Demidowka, 7 – Kotowka, 8 – Nowoukrainka, 9 – Woltschansk, 10 – Rodionowka, 11 – Bogdanowka, 12 – Samojlowo, 13 – Nowoiwanowka, 14 – Kobjakow, 15 – Kastirskij, 16 – Kriwuschka, 17 – Kalmykija, Hunengrabgruppe 3, 13/3, 18 – Kalmykija, Hunengrabgruppe 2, 38/2.

Dessin 4. 1-4 – pots: 1 – Sousanino, 2 – Sivachskoïe, 3 – Voltchansk, 4 – Nikiforovo; 5-18 – cruches: 5 – Gadomka, 6 – Demidovka, 7 – Kotovka, 8 – Novoukraïinka, 9 – Voltchansk, 10 – Rodionovka, 11 – Bogdanovka, 12 – Samoilovo, 13 – Novoivanovka, 14 – Kobiakov, 15 – Kastyrski, 16 – Krivoucha, 17 – Kalmykiïa III groupe de tumulus 13/3, 18 – Kalmykiïa II groupe de tumulus 38/2

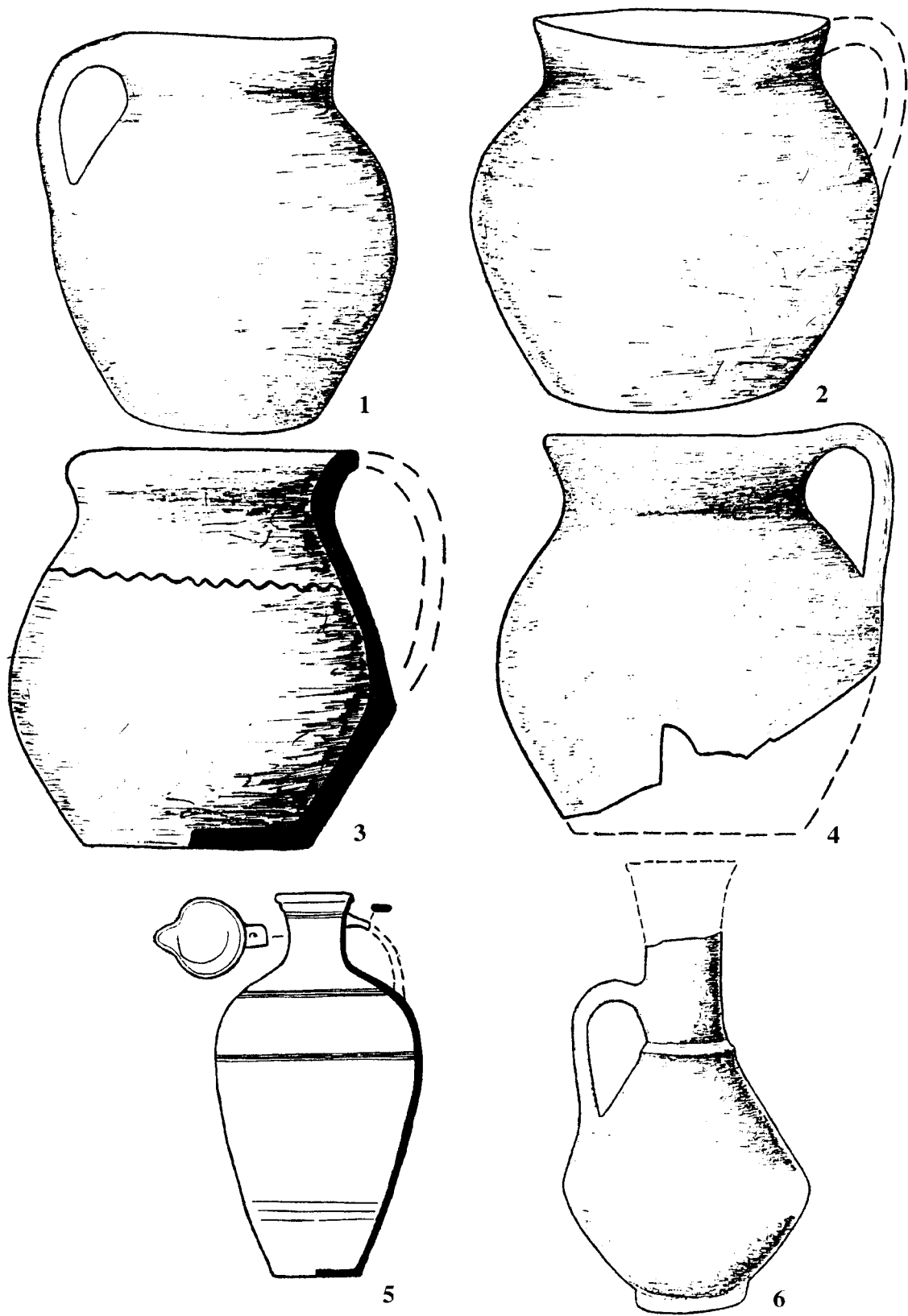

Рис. 5. Горшки и кувшины.
Fig. 5. Pots and jugs.
Abb. 5. Töpfe und Krüge.
Dessin 5. Pots et cruches

Рис. 6. Кувшины.
Fig. 6. Jugs.
Abb. 6. Krüge.
Dessin 6. Cruches

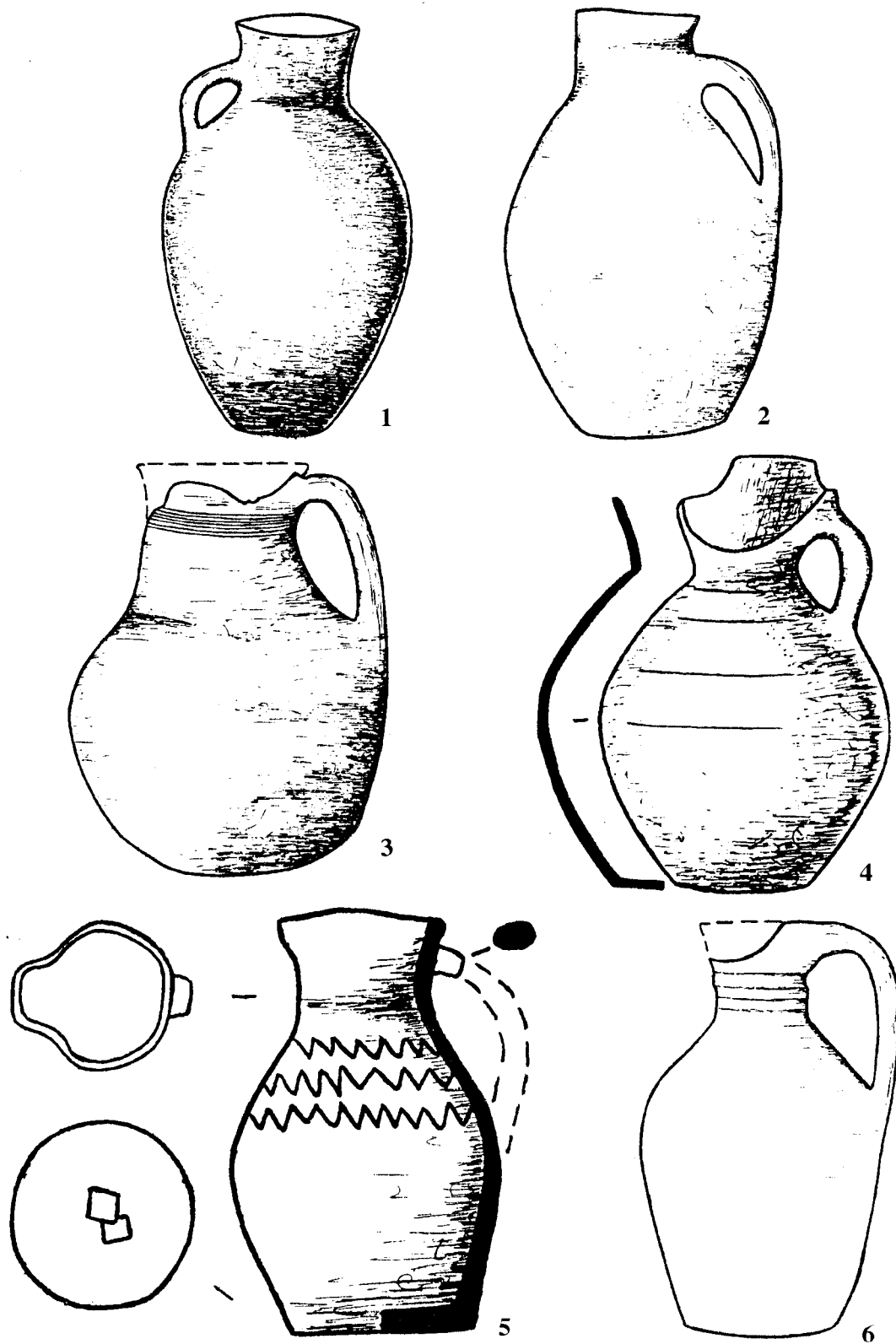

Рис. 7. Кувшины.
 Fig. 7. Jugs.
 Abb. 7. Krüge.
 Dessin 7. Cruches

ющие друг друга крест-накрест. Два аналогичных пояска расположены у основания горла и в центральной части тулова (рис. 6, 6).

Ближние формы кувшинам из Кобьяковского могильника и Калмыкии есть в Крыму, соответственно в материалах XII-XIII вв. Баклинского городища (Рудаков В.Е., 1975, рис. 3, 2) и в Херсонесе (Якобсон А.Л., 1979, рис. 72, Б, 15) (XIII в.). Кувшин из Гадомки своеобразен. Подобного сочетания оформления венчика, горла, тулова и дна мы не нашли. Близкая форма тулова и дна с поддоном (к сожалению, венчик и ручка отсутствуют) у сосуда из керамического комплекса XI-XII вв. Херсонеса (Романчук А.И., 1975, рис. 7, 3). Аналогичное оформление венчика и горла у кувшина с носиком в Старом Орхее (Абызова Е.Н., 1985, рис. 4,9). По наблюдениям Т.А.Хлебниковой, валик на горловине у кувшинов из Болгара появляется в позднезолотоордынское время (Хлебникова Т.А., 1988, с. 63-64). Комплекс из Гадомки, к. 221 разрушен. Единственным сохранившимся сопутствующим кувшину предметом является копьё (кресало в публикации не воспроизведено и не описано). О хронологии копья, по нашим наблюдениям, можно сказать лишь то, что к XIII в. копьё постепенно исчезают из погребальной обрядности кочевников. Погребение из Кобьяковского курганного могильника 15/13, без всяких сомнений, датируется второй половиной XIII-XIV вв. Такую дату дают стремена с широкими подножками, удлиненно-овальное кресало (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46) и удила с массивными кольцами, диаметр которых почти равен длине звена удил, с дуговидными псалиями. У последних по контуру их дуги находятся декоративные зубчики. Способ членения ног коня по колено в погребении из Калмыкии принято считать печенежско-торческим (?) этническим показателем, распространенным в основном в X-XI вв., но часто встречающимся в XII и даже в XIII-XIV вв. Стремена в этом погребении, судя по описанию в тексте отчета (иллюстративно представлен только кувшин), с круглой дужкой, квадратным ушком и плоской подножкой (тип В-1) бытовали у восточноевропейских кочевников в XIII-XIV вв., что и позволяет датировать весь комплекс этим же временем.

Кувшины из Кривуши 1/1 и Демидовки 2/2 аналогичны друг другу в оформлении венчика, горла, тулова и дна (рис. 7, 1, 2). Тулово у обоих сосудов высокое, яйцевидное с невыраженными покатыми плечиками, с наибольшим расширением в центральной части корпуса. Они имеют одинакового размера плоское дно. Но поскольку по высоте тулова кувшины отличаются друг от друга на 10 см, то дно у сосуда из Кривуши - узкое, а у кувшина из Демидовки - широкое. Горло у обоих сосудов цилиндрическое, невысокое, широкое.

Венчик слабо выражен, слегка отогнут наружу. Верхним концом петлевидные ручки прикреплены к основанию горла. Ручка кувшина из Кривуши нижним концом прикреплена к плечу, а у сосуда из Демидовки - к центральной части тулова, как бы продолжая линию корпуса. Обе ручки украшены: тремя желобками по внешней поверхности (Кривуша), фигурными вдавлениями (Демидовка). Близкие формы этим кувшинам есть в золотоордынских слоях Херсонеса (Романчук А.И., 1982, рис. 4,18; 6,23) и Старого Орхее (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 59, рис. 16). Аналогичные сосуды найдены на Куричанском поселении (Рязанов С.В., 1990, рис. 2,1-2). Инвентарь погребения из Кривуши 1/1 яркий и разнообразный: шлем, сабля, костяные накладки колчана, костяная ворворка, кольчуга и др. Однако хронология этих позднекочевнических древностей в достаточной степени еще не разработана. Датируют погребение броневые наконечники стрел, которые появились у поздних кочевников Восточной Европы лишь в золотоордынское время*. Комплекс из Демидовки 2/2 датируется золотоордынским временем. Об этом свидетельствует наличие броневых наконечников стрелы с ромбическим сечением, кольчуги и особенности конструкции могилы (подбой, закрытый от входной ямы деревянными плахами).

У кувшинов из Новоивановки и Богдановки-III, 15/3 невысокое яйцевидное тулово с выпуклыми боками, с наибольшим расширением в середине корпуса (рис. 7, 4,5). Дно плоское, у сосуда из Новоивановки узкое, у сосуда из Богдановки - широкое. Оба кувшина имеют слив, у экземпляра из Новоивановки - ойноховидный. Горло у кувшинов невысокое, широкое, цилиндрическое в комплексе из Богдановки и узкое в основании, раструбовидно расширяющееся к венчику из погребения в Новоивановке. Венчик почти не выделен, его округлый край слабо отогнут наружу. Часть горла и венчика у кувшина из Новоивановки и ручка у сосуда из Богдановки отбиты в древности. Прилеп ручки у обоих кувшинов одинаков: верхний конец - под венчиком, нижний - на плечике. Сечение ручек разное: круглое (Новоивановка) и овальное (Богдановка). Сосуд из Богдановки орнаментирован в верхней части тулова тремя волнистыми линиями. На дне у него расположено клеймо в виде двух вдавленных прямоугольников, налегающих друг на друга. По мнению автора публикации, небрежность изготовления, неравномерный обжиг и включение известковых частиц кварца в тесте сближает кувшин из Богдановки с керамикой IX-X вв. городища Бакла в Крыму (Шалобудов В.Н., 1993, с. 97). Однако он отмечает наличие близких форм в слоях XI-XII вв. в Херсонесе. Действительно в этот период

* Здесь имеются в виду «петлевидные» типы броневых наконечников стрел квадратного, ромбического и овального сечения, которые, по нашим наблюдениям, широко распространились у кочевников Восточной Европы только в золотоордынское время.

в Херсонесе есть близкие формы (Романчук А.И., 1975, рис. 7, 1), а по мнению В. Е. Рудакова, волнистый орнамент на кувшинах Крыма типичен для XII-XIII вв. (Рудаков В.Е., 1975, с. 25, рис. 3, 1-4). Аналогии кувшину, приведенные автором публикации позднекочевнического комплекса из Новоивановки (Швецов М.Л., 1974, с. 96, 97) (Крым, Волжская Болгария, Танкеевка, Северный Кавказ), достаточно полны и убедительны. Исследователь датирует это погребение концом XII - началом XIII вв., с чем мы полностью согласны. Погребение Богдановка-III, 15/3 ограблено. Сохранившийся инвентарь не богат, хронологически не выразителен и представлен помимо кувшина серебряным с позолотой спиралевидным височным кольцом, железной пряжкой, ножом и стеклянной бусиной. По нашим наблюдениям, подобный тип височных колец встречается с инвентарем, хронологический диапазон которого - вторая половина XI - первая половина XIII вв.

Кувшин из комплекса Кастырский-VI, 2/8 отличается от всей серии кувшинов, описанных выше, верхним прилепом ручки (рис. 7,6). Она прикреплена не под венчиком, который имеет форму, близкую к раструбу, а непосредственно к нему. В месте верхнего крепления на ручке нанесены два невыразительных вертикальных желобка и пальцевое вдавление. Нижним концом длинная вертикальная, овальная в сечении ручка прикреплена к наиболее широкой части тулова. Горло - цилиндрическое, широкое, невысокое, с широким рифлением по внешней поверхности - плавно переходит в покатые плечики относительно высокого стройного тулова. Наибольшее расширение корпуса в верхней трети. Дно плоское, широкое. Часть венчика и горла отбиты в древности. Поверхность кувшина покрыта светлым ангобом. В тесте заметны крупные черные вкрапления. Близкие формы есть в позднесредневековом Херсонесе (Ивашута Л.П., 1974, рис. 3в) XII-XIII вв., а также в золотоордынском слое Старого Орхоя (Абызова Е.Н., 1985, рис. 1,7, класс I, тип 1, вид 3) и Азака (Перевозчиков В.И., 1990, рис. 3,4). Е. Н. Абызова отмечает, что керамика I класса иногда покрывалась белым или красным ангобом (Абызова Е.Н., 1985, с. 38). Ни погребальный обряд захоронения Кастырский-VI, 2/8, ни сопроводительный инвентарь (трапециевидная железная пряжка, нож, лепной сосуд) не уточняют его хронологические рамки.

Картографирование исследуемой серии керамики дало следующую картину. Несмотря на небольшое количество амфор, следует отметить их основную локализацию в Нижнем Поднепровье (5 находок). Единична находка в Приорелье, 3 экземпляра обнаружены в Приазовье (1 - в Северном Приазовье, 2 - вблизи устья Дона). Карта показывает, что амфоры территориально тяготеют к побережью Черного и Азовского морей, и за исключением одного пункта их практически нет в глубине степи (рис. 1). Это, по-видимому, не случайно и вполне объяснимо. В

памятники Нижнего Поднепровья амфоры попали, скорее всего, из Крыма, в городах которого торговали вином и маслом как собственного производства, так и привозными. В приазовские памятники амфоры могли попасть, вероятно, из поселений на берегу Азовского моря, среди которых в золотоордынское время наиболее крупным был город Азак. Интересно, что в Поднепровье амфоры встречаются как в погребальных комплексах, так и в святилищах, а в Приазовье - только в святилищах. Картографирование позднекочевнических погребений с кувшинами показало, что они, в отличие от амфор, встречаются не только в приморских районах и в Поднепровье, но и в глубине степи. Так, они есть в Волго-Маньчском междуречье, на Донецком кряже, в Орельско-Самарском междуречье, в бассейне Нижнего Дона (рис. 4).

Большинство (3 из 4) погребений с одноручными горшками не древнерусского происхождения обнаружены в Приазовье, 1 - в Крыму (рис. 4).

Большинство комплексов с амфорами сопровождалось захоронениями коней. Все погребенные, за исключением комплекса из Шевченко, где был похоронен ребенок, были мужчинами-воинами. Об этом говорит сопроводительный инвентарь: шлем, сабли, булава, кольчуги, принадлежности лучника. В трех из четырех погребений с горшками были похоронены мужчины. Кувшины также обнаружены в большинстве случаев в мужских захоронениях.

В отношении погребального обряда необходимо отметить, что конструкции могил, гробовища, ориентация умерших, типы и характер укладки коней не отличаются какими-либо устойчивыми связями. Это свидетельствует об этнической пестроте и социальных различиях погребенных в комплексах с амфорами, горшками и кувшинами. Исследуемая серия керамики не имеет какой-либо устойчивой связи с другими категориями находок.

Месторасположение амфор, горшков и кувшинов в захоронениях не одинаково. Амфоры не имеют устойчивого места. По два раза они обнаружены у изголовья и перед входом в камеру. По одному разу - в ногах и в насыпи. Большинство кувшинов располагались в районе головы (7 случаев) и у ступней (4). Единичны находки кувшинов у правого колена и на надмогильной площадке. Три одноручных горшка из четырех экземпляров располагались в районе ног, как и большинство горшков древнерусского облика (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 85). По-видимому, у средневековых кочевников керамика, являясь одной из категорий основного погребального инвентаря, на протяжении веков не получила своего устойчивого места в погребении, как, например, предметы конского снаряжения, вооружение, украшения и т. п.

Анализ захоронений с гончарной керамикой недревнерусского производства показал, что в погребениях, отличающихся повышенным социальным уровнем и богатством инвентаря, как правило, на-

ходятся амфоры. Наиболее высоким социальным статусом, без сомнения, обладал умерший из Чингульского кургана, по-видимому, имевший ханский титул. У него в погребении, кстати, была не одна, а две амфоры. На порядок ниже ранг погребенного из Каирки. Еще более низкую ранговую позицию занимали умершие из Морской Кошары и Большой Белозерки. Наиболее низкий ранг у умершего из Чаплинки,

где были обнаружены лишь принадлежности лучника. Все они были воинами. Трудно объяснить социальный статус (как собственно и пол) погребенного из Шевченко, где сопутствующий инвентарь беден и невыразителен.

В мужских погребениях с одноручными горшками присутствуют предметы вооружения. Учитывая это, а также количество и качество

№ п/п	Параметры		Общая высота	Высота горла с венчиком	Диаметр венчика	Диаметр горла*	Диаметр тулова	Диаметр дна (поддона)	Высота горла: диаметр горла (у кувшинов)
	Пункт								
1	Никифорово 1/1		≈19	-	13	-	18	≈10,8	-
2	Волчанск-II, 2/4		14	-	10	-	15	9	-
3	Сивашское 4/4		17,5	-	11	-	15	8	-
4	Сусаннино 1/2		15,6	-	11	-	15,1	8,6	-
5	Волчанск 13/1		с. 22 р.40	р. 12,5	-	5	14	7	≈2,5
6	Котовка-III, 2/2		55	10	11,5	8,7	30,5	13	1,2
7	Родионовка 3/1		30	9	5,3	4,2	18	10,5	2,1
8	Самойлово 2/2		29,5	6	11	11,2	20	10	0,5
9	В.Маньч-II, 38/2		38	16	9,5	10	22	13	1,6
10	Новоукраинка-I, 1/2		с.38 р.42	р. 8,2	-	6,7	17	8,5	≈1,2
11	Гадомка, к.221		18	6,4	7,7	6,4	12,6	7,5	1
12	Кобяково 15/3		32	12	6,5	10	21	13,2	1,2
13	В.Маньч-III, 13/3		19	6,3	7	9	14,8	9	0,7
14	Кривуша 1/1		39	8	9,6	9,2	23	10	0,9
15	Демидовка 2/2		26	5	8	8,2	17,5	10	0,6
16	Новоивановка		29	7,5	10	6,5	19	9	1,2
17	Богдановка-III, 15/3		21	6	8	6,5	13	9	0,9
18	Кастырский-VI, 2/8		24,8	5,9	6,7	5,7	14,5	9,1	1

Рис. 8. Основные параметры горшков и кувшинов (в см).

c – сохранившаяся высота сосуда

p – реконструируемая высота

* – диаметр горла замерялся у его основания.

Fig. 8. The basic parameters of pots and jugs (in cm).

c – the preserved height of a vessel

p – the reconstructed height of a vessel

* – the diameter of a mouth is measured at its bottom.

Abb. 8. Grundabmessungen der Töpfe und Krüge (cm.).

c – die erhaltene Gefäßhöhe

p – die zu rekonstruierende Höhe

* – der Halsdurchmesser wurde neben seiner Grundlinie gemessen.

Dessin 8. Paramètres des cruches (centimètres).

c – Hauteur présente du récipient

p – Hauteur reconstruite

* – Diamètre du col est mesuré dans sa base

остального сопутствующего инвентаря можно предположить, что погребенные относились к "средневоинскому" сословию.

В четырех из восьми мужских погребений с кувшинами также были погребены воины. Социальный статус остальных мужчин-погребенных определить сложно. Инвентарь в их могилах, как правило, беден, но есть и один богатый комплекс. Женские погребения с кувшинами (4) представлены, судя по характеру сопроводительного инвентаря, разными социальными категориями. По-видимому, кувшины являлись той единственной группой керамики, которая могла выступать в качестве универсального инвентаря в погребальной обрядности кочевников развитого средневековья. Обрядовые черты умерших с этой категорией керамики не отличаются какими-либо устойчивыми признаками не только территориально и хронологически, но даже в социальном, половозрастном и этническом плане. Такими же категориями инвентаря у кочевников средневековья выступали, например, ножи, удила, стремена, серьги, амулеты, недрагоценные типы украшений.

Анализ гончарной посуды, встречающейся в погребениях поздних кочевников Восточной Европы, показал четкую смену во времени культурнозначимых видов керамики. Так, лепную, собственно кочевническую

керамику, представленную в основном кухонными горшками, в XII - начале XIII вв. заменяют гончарные горшки древнерусского облика, а их в свою очередь сменили гончарные горшки и многочисленные типы кувшинов, производимые в городах и поселениях золотоордынского времени. Амфоры в этой хронологической шкале сосуществуют с горшками древнерусского облика и с керамикой второй половины XIII-XIV вв.

Территориальное распределение этих культурнозначимых видов керамики в соответствующих им хронологических периодах было адекватно степени удаленности и влияния на кочевую степь ее ближайших соседей (рис. 1, 4).

Такая последовательная смена культурнозначимых видов керамики у поздних кочевников, как оказалось, - факт не только внешнепоказательный. Одновременно с эволюцией идеологических представлений происходит и смена парадигм в отношении роли и места керамики в погребении. Так, например, со временем прослеживается тенденция перемещения керамики из района ступней ног в основном за голову умершего. Посуда в XII-XIII вв., входившая в состав, как правило, женского инвентаря, постепенно начинает доминировать в мужских комплексах.

Литература и архивные материалы

1. Абызова Е.Н., 1985. Неполивная керамика XIV в. из Старого Орхья// Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.
2. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев.
3. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
4. Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
5. Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхья// Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
6. Волков И.В., 1989. Импортная амфорная таразолотоордынского города Азака// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону.
7. Волков И.В., 1990. О происхождении амфор из золотоордынских слоев памятников Северного Причерноморья// Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. историко-краеведческой конференции. Ч. 1. История. Белгород-Днестровский.
8. Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор// Донские древности. Вып. 1. Азов.
9. Гугуев Ю.К., Гуркин С. В., 1992. Половецкое святилище середины XI - начала XIII вв. на правом берегу Дона (опыт исследования семантики культурного комплекса)// Донские древности. Вып. 1. Азов.
10. Гуркин С.В., 1990. Половецкий поминальный комплекс из Северо-Восточного Приазовья// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 9. Азов.
11. Дьяченко А.Н., 1984. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1984 г.// НА ИА РАН. Р-1. № 11281.
12. Евглевский А.В., 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. обл. науч.-практ. конференции. Луганск.

13. Евглевский А.В., 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета// ДАС. Вып. 1.
14. Евглевский А.В., 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.
15. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. Вып. 5.
16. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып. 6.
17. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П., 1986. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в Херсонской области в 1986 г.// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1986/12.
18. Житников В. Г., 1984. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г.// НА ИА РАН. Р-1. № 10321.
19. Ивашута Л. П., 1974. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса (по материалам раскопок портового квартала)// АДСВ. Сб. 11.
20. Казакова Л.М., 1986. Отчет об исследовании Кобяковского курганного могильника по проспекту 40-летия Победы в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону в 1986г. (зона строительства второго микрорайона)// НА ИА РАН. Р-1. № 11426.
21. Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани// СА. № 4.
22. Кравченко Э. Е., Швецов М. Л., 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
23. Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А. и др., 1980. Отчет о работах ХАЭ ИА АН УССР у сел Волчанск, Владимировка, Красное Акимовского района Запорожской и у сел Громовка, Сивашовка Новотроицкого района Херсонской областей в 1980 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1980/15.
24. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1982. Отчет об исследованиях Херсонской археологической экспедиции в 1982 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1982/4.
25. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1983/26.
26. Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Нечитайло А. Л. и др., 1984. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 году в Херсонской и Запорожской областях// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1984/11.
27. Лесков А. М., 1962. Отчет Южно-Украинской экспедиции за 1962 год// НА ИА НАН Украины.
28. Михальченко С.Е., 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья// СА. № 3.
29. Никитченко М. М., 1970. Амфоры-голосники из ц. Иоанна Предтечи в Керчи// АО 1969 г. М.
30. Ольховский В. С., Отрощенко В. В., 1991. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму// Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
31. Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В., Ляшко С. Н. и др., 1975. Отчет Запорожской экспедиции за 1975 год// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1975/2.
32. Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульського кургану// Археологія. № 53.
33. Перевозчиков В.И., 1990. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
34. Петров Н.И., 1915. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV-V. К.
35. Пещерова Е. М., 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.
36. Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи// МИА. № 75.
37. Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
38. Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып. Е 1-19.
39. Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е 4-2.
40. Плешивенко А. Г., Попандопуло З. Х., 1986. Отчет о раскопках курганов в Запорожской области на территории Каменско-Днепровского, Приморского, Вольнянского и Запорожского

- районов в 1986 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1986/42.
41. Романчук А. И., 1975. Керамический комплекс XI-XII вв. из раскопок портового района Херсонеса// АДСВ. Сб. 12.
 42. Романчук А. И., 1982. Материалы к истории Херсонеса XIV-XV вв.// АДСВ. Византия и ее провинции.
 43. Рудаков В. Е., 1975. Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.)// АДСВ. Сб. 12.
 44. Рябой Т.Ф., 1988. К вопросу о «больших» домах из Старого Орхья// Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
 45. Рязанов С. В., 1990. Гончарная печь на Куричанском поселении// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
 46. Сеницын И. В., 1966. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 году// НА ИА РАН. Р-1. № 4223.
 47. Сеницын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. I, II. Саратов.
 48. Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988. Сост. О. Я. Привалова, А. И. Привалов. К.
 49. Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
 50. Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
 51. Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967. Раскопки в окрестностях Скадовска// Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
 52. Шалобудов В.Н., 1982. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка// Древности Степного Поднепровья. Днепропетровск.
 53. Шалобудов В.Н., 1993. Позднекочевнические погребения с керамикой (по материалам экспедиции ДГУ)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
 54. Швецов М. Л., 1974. Багате кочівницьке поховання з Донбасу// Археологія. № 13.
 55. Швецов М. Л., 1979. Половецкие святилища // СА. № 1.
 56. Швецов М. Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.
 57. Швецов М. Л., 1981. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1981/108.
 58. Яковсон А. Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.)// МИА. № 17.
 59. Яковсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации)// СА. XV.
 60. Яковсон А. Л., 1959. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953-1955 гг.// МИА. № 67.
 61. Яковсон А. Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики// МИА. № 168.
 62. Яковсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Summary

A.V. Yevglevsky, T.M. Potyomkina (Donetsk)
**On Some Types of Pottery Ceramics of Eastern European Nomads
of Developed Middle Ages**

Alongside with the moulded vessels, the manufacturing of which is connected with the nomads themselves, the wheeled ceramics of different way of making can be found in the late nomadic interments. The present work is devoted to some types of pottery ceramics not of Ancient Russian origin: an amphora, a pot, and a jug.

Most amphorae from late nomadic interments belong to the type prevailing in Prychernomoriye (the Black Sea basin) monuments and are characterized by curved handles, pyriform-spherical or egg-shaped trunk of Trapezund origin.

One-handled pottery globe-shaped pots are mostly close to analogous dishes of the Crimea, the Golden Horde monuments situated between the rivers Donets and Prut and in Lower Povolgie according to their peculiarities.

The jugs found served for both table and storage purpose. The range of their analogues is wide enough: Saray, Orkhey, Azack, the Crimea, Northern Caucasus, towns of Povolgie.

The analysis of these types occurring in the nomadic interments showed distinctive change of culturally significant types of ceramics in that time. So, the ceramics of the Ancient Rus pattern of the middle of the XIIIth c. is ousted by pots of Crimean and other origin, and numerous types of jugs. In this chronological scale amphorae correspond to the pots of Ancient Rus pattern and ceramics of the 2nd half of the XIIIth – XIVth cc.

A.W., Jewglewskij, T.M., Potjomkina (Donezk)
**Über einige Töpferkeramikarten bei den osteuropäischen
Nomaden des entwickelten Mittelalters**

Neben Stuckgefäßen, deren Erzeugung den Nomaden selbst zugeschrieben wird, wurde in Spätnomadengräbern auch Töpferkeramik verschiedener Herstellung entdeckt. Die vorliegende Arbeit ist einigen Töpferkeramikarten nicht altrussischer Herkunft gewidmet: Amphoren, Töpfen und Krügen.

Die Mehrzahl der Amphoren aus den Spätnomadengräbern gehört zu dem in dem Schwarzmeerküstenland am häufigsten vorkommenden Typ mit bogenförmigen Henkeln, mit sphärisch-birnförmigen oder eiförmigen trapesund herkömmlichen Rumpf.

Einhenklige Tontöpfe mit kugelförmigem Rumpf sind ihren Charakteristika nach den Töpferwaren der Krim und der Goldenen Horde aus dem Gebiet zwischen dem Dnestr und dem Prut und der unteren Wolga gleich. Unter Krügen kommen sowohl Geschirrkügel als auch Gefäßkrüge vor. Es gibt ziemlich viele Analogien: Starij Orchej, Asak, die Krim, der Nordkaukasus, die Städte der Wolga-Umgebung.

Die Analyse der Vorkommensfrequenz dieser Geschirrtypen in Nomadengräbern zeigte nicht abrupte, aber klare Abfolge mit der Zeit der kulturbedeutenden Keramikarten. Z. B. Die Keramik nach dem altrussischen Vorbild wird seit der Mitte des 13. Jhs. von Töpfen der Krimer oder anderer Herkunft und von verschiedenen Typen der Krügen abgelöst. Amphoren koexistieren in dieser chronologischen Skala mit nach dem altrussischen Vorbild gemachten Töpfen und mit der Keramik der 2. Hälfte des 13.-14. Jhs.

A.V. Evglevski, T.M. Potemkina (Donetsk)
**Quelques types de la céramique de poterie chez les nomades à l'époque
du Moyen Age avancé en Europe de l'Est**

Dans les sépultures des nomades avancés, à côté des vases façonnés à la main faits par les nomades eux-mêmes, on rencontre aussi la céramique tournée d'origine différente. Le présent travail est consacré aux certains types de la céramique de poterie qui ne sont pas originaires de l'ancienne Russie: amphores, pots, cruches.

La plupart des amphores des sépultures des nomades avancés appartiennent au type d'origine de Trapézounde: aux anses arquées, au corps piriforme et sphérique ou ovoidé. Ce type prédomine dans les monuments du territoire de la mer Noire.

Les particularités des pots sphériques à une anse sont proches de la vaisselle analogique de la Crimée, du territoire de la Basse Volga et du territoire entre Dniestr et Proute à l'époque de la Horde d'Or.

Les cruches de table et celles d'emballage sont rencontrées les deux. La sphère de leurs analogies est assez vaste: Starij Orkheï, Azak, Crimée, Caucase du Nord, les villes du territoire de la Volga.

L'analyse de la fréquence de ce type de vaisselle dans les sépultures des nomades montre une substitution pas brusque mais nette d'un type de céramique par un autre. Cette substitution déroule dans le temps et reflète l'état d'une civilisation. Ainsi, depuis le milieu du XIIIe siècle, les pots d'origine différente, par exemple de la Crimée, et les nombreux types de cruches commencent à remplacer la céramique d'une apparence russe. Selon cette échelle chronologique les amphores coexistent avec les pots d'une apparence russe et avec la céramique de la 2ème moitié des XIII-XIV siècles.